

ДЖОАННА
РУТ МЕЙЕР

Freedom
Москва
2019

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44
Р90

Joanna Ruth Meyer
ECHO NORTH

Text Copyright © 2018 Joanna Ruth Meyer
Published by arrangement with Page Street Publishing Co.
All rights reserved.

Рут Мейер, Джоанна.

Р90 Эхо Севера / Джоанна Рут Мейер ; [перевод с английского К. Молькова]. — Москва : Эксмо, 2019. — 480 с. — (Young Adult. Коллекция фэнтези. Магия темного мира).

ISBN 978-5-04-102476-5

Ее зовут Эхо. Она девушка-изгой, чью красоту отнял безжалостный хищник. Но никакие невзгоды не способны ожесточить девушку. Ради спасения отца она готова пожертвовать свободой, став пленницей того самого белого волка, который когда-то на нее напал. Теперь Эхо живет в лесу, в зачарованном доме, став его хранительницей. Она собирает лунный и солнечный свет, кормит животных и следит за зеркальной библиотекой. Вот только проклятие этого необычного места сильнее, а тайна волка куда мрачнее, чем Эхо могла себе представить. Теперь девушке предстоит встретиться с древними силами, что управляют лесом, и воспользоваться самым сильным волшебством, которое доступно человеческому сердцу.

УДК 821.111-312.9(73)
ББК 84(7Сое)-44

© Мольков К., перевод на русский язык, 2019
© Издание на русском языке, оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2019

ISBN 978-5-04-102476-5

Моей маме.

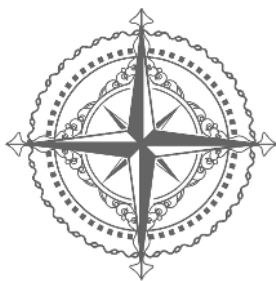
*Когда-нибудь мы отправимся искать
зеркальную библиотеку волка и станем
вместе исследовать ее, хорошо?*

*А также блистательным рассказчикам
Робину МакКинли, Эдит Патту
и Диане Уэйн Джонс.
Спасибо за ваше волшебство.*

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛАВА 1

Свое имя — Эхо — я получила в честь мамы. Она умерла во время родов. Отец взял тогда меня на руки и сказал, что чувствует внутри меня эхо бьющегося сердца мамы.

В ее смерти отец меня не винил, нет, но очень часто предавался грусти. У него на руках оказались двое детей — я и мой старший брат Родя. Отцу приходилось кормить и растить нас одному, без помощи темноволосой жизнерадостной жены, которая никогда уже не вернется домой.

Впрочем, с этими трудностями отец охотно справлялся. Он предоставил мне полную свободу, за что я горячо любила и его, и брата. Мне разрешали летом бегать босиком, играть с гончими собаками местного кузнеца, пропускать, если очень хочется, занятия в школе и рыбачить вместе с Родей на озере.

Нет, не подумайте, будто отец хотел, чтобы я оставалась невеждой. Он сам довольно терпеливо учил меня очень многому, знакомил по вечерам со своими книгами. Читал, задавал вопросы, сам охотно отвечал на мои. Пожалуй, счастливее я и быть не могла. Маму я никогда не знала, поэтому отец и Родя были для меня всем миром.

А потом мой мир внезапно изменился.

Это случилось летом, когда мне исполнилось семь. Наш городок стоял на краю леса, и тот год выдался особенно неудачным для местных фермеров — на овец и даже на крупный рогатый скот стали нападать приходившие из леса волки. Тогда старик Тинкер расставил повсюду вокруг городка капканы, а мой отец строго-настрого наказал мне внимательно смотреть под ноги. «Попадешь в такой капкан, и тебя может пополам разорвать, а что же я буду делать без тебя, голубка моя?»

Я торжественно обещала ему, что буду осторожна.

Но вот однажды я возвращалась с соседнего луга, где собирала полевые цветы. Брела в вышитой, испачканной теперь до колен, юбке, забыв где-то среди колышущейся травы свой платок, и вдруг услышала режущий уши звук — так могло кричать лишь животное, испытывающее мучительную боль. Я замерла на месте, выронив из рук цветы. Стон повторился, и я со всех ног бросилась в его сторону.

Когда я завернула за угол, передо мной предстал огромный белый волк, попавший в стальной капкан, прикованный к столбу изгороди.

Я застыла, глядя на волка, а он внимательно посмотрел на меня, будто забыв на время про свою мучительную боль.

И тут у меня возникло очень странное ощущение. Показалось, что волк не просто смотрит на меня, а видит меня насквозь, словно ищет что-то в самой глубине моей души. Наверное, следовало испугаться, но мне не было страшно. Напротив, меня вдруг потянуло к этому волку. Как будто между нами возникла невидимая связь.

Затем, опустив взгляд, я увидела алую кровь. Она покрывала белую шерсть в том месте, где капкан впился в заднюю левую лапу волка.

Что ж, я была смелой. И довольно глупой.

Не раздумывая, я бросилась помогать волку.

Опустившись на колени прямо в грязь рядом с ним, я осторожно прикоснулась к волку. Моя маленькая ладонь буквально утонула в белой шерсти — она оказалась мягче всего на свете. Даже мягче, чем бархатная подушка на любимом отцовском кресле. Не знаю почему, но я чувствовала, что поступаю правильно, пытаюсь помочь волку. Мне казалось, что сейчас нет ничего важнее, чем освободить его.

Глубоко вдохнув, я схватилась за края стальных челюстей капкана и потянула их в стороны.

Разжать их не вышло, в моих руках они и на сантиметр не приоткрылись. Все, что удалось, так это слегка сдвинуть капкан на раненой лапе вол-

ка, причинив ему еще больше боли. Волк зарычал, резко отскочил от меня, оскалил зубы. Шерсть поднялась дыбом у него на загривке. Я выпустила из рук скользкий от волчьей крови капкан, челюсти которого продолжали сжиматься все сильнее, грозя вскоре добраться до самой кости.

С каждой секундой волк становился все неистовее. Я принялась голыми руками рыть и отбрасывать грязь возле кола, к которому металлической цепью был прикреплен капкан.

Кол зашатался, ослаб. Волк в последний раз отчаянно рванулся и вытащил его из земли. Еще мгновение меня переполняли радость и торжество, но в следующую секунду...

В следующую секунду на меня стремительно ринулось размытое белое пятно. Зазвенела цепь. Прыгнувший волк снежной лавиной обрушился на мое тело. Я едва успела испугаться, как на меня уже рухнула невыносимая, непосильная тяжесть, а затем... А затем все погрузилось во тьму.

Темнота и невыносимая, ослепляющая боль.

Придавивший меня груз исчез, но что-то мокрое, жуткое заполонило мой взгляд. Весь мир вокруг виделся теперь искаженным и размытым. Это испугало меня даже сильнее, чем окружавшая до этого тьма. Внутри пульсировала боль. Она обжигала раскаленными углями мою грудь, плечи, лицо.

Кто-то кричал. До меня не сразу дошло, что это кричу я сама.

Затем я, судя по всему, потеряла сознание, по-

тому что, когда я вновь пришла в себя и открыла глаза, надо мной склонился отец. Его тело казалось искаженным и странным. Небо окрасилось оранжевым предвечерним светом. Было слышно, как в лесу щебечут птицы. Голова у меня кружилась, лицо и грудь как-то странно онемели, а один глаз опух и заплыл. Единственную боль доставляли мелкие камешки, забившиеся мне под ногти вместе с грязью, когда я пыталась вытащить кол из земли.

— Давай отнесем ее в дом, — услышала я чей-то голос. — С ней все будет в порядке, Питер, она сильная.

Питер — это мой отец. А голос... Да, это был голос старика Тинкера. Очевидно, он пошел проверять свои капканы, а вместо этого нашел меня. Отец подхватил меня на руки, и я снова потеряла сознание.

Очнувшись в следующий раз, я попыталась открыть глаза, но не смогла. Что-то толстое и душное облепило мне лицо.

— Папа! — крикнула я. — Папа!

Я попыталась сесть, дернулась и кубарем покадилась на пол. В следующую секунду рядом со мной уже был мой отец. Он начал осторожно поднимать меня и укладывать обратно в постель, успокаивая и приговаривая.

— Это всего лишь бинты, пташка, лишь бинты. Мы вскоре их снимем, а сейчас не волнуйся. Тише, тише, все хорошо.

Я прижалась к отцу, он поцеловал меня в лоб и начал тихо напевать колыбельную.

Позднее — я затрудняюсь сказать, сколько времени прошло, — сняли повязку с моего глаза. С одного. Правого. Смотреть одним глазом было неудобно, но все-таки лучше, чем ничего не видеть вообще. Я безвылазно просидела тогда много недель дома, в своей комнате, наблюдая сквозь маленькое окно за тем, как летняя зелень сменяется красно-коричневыми красками осени.

Вскоре к нам явилась сразу целая куча врачей — я никак не могла понять, зачем их так много — и подкралась к двери отцовского кабинета, чтобы подслушать их разговор. До меня долетели отдельные обрывки фраз: «...никогда полностью не восстановится...», «...порезы оказались слишком глубокими...», «...возможность инфекции...» и «...повезло, что она вообще не ослепла...».

И вот в один из дней в самом начале зимы, когда над нашим городком порхал на ветру первый снежок, пришел доктор, чтобы снять повязку с левой стороны лица. Отец внимательно следил за тем, как доктор разматывает бинты. Я сама затаила дыхание. Заметив на лице отца выражение ужаса и шока, я, пожалуй, впервые подумала — случившееся со мной, возможно, никогда уже нельзя будет исправить.

— Прикрой свой правый глаз, — сказал мне доктор. — Открой левый глаз. Ты можешь им видеть?

Я прикрыла ладонью правый глаз и открыла ле-

вый. Свет с непривычки показался мне очень ярким, однако видеть я могла, и утвердительно кивнула.

Доктор облегченно выдохнул.

Стоявший до этого неподвижно отец вздрогнул, выражение ужаса на его лице растаяло и сменилось растерянностью, которая заставляла меня нервничать.

— Может быть, вы что-то сможете рекомендовать... — начал он и замолчал, беспомощно глядя на доктора.

— Нет, если только Господь не даст ей новую кожу, — сказал доктор. Я думаю, он хотел пошутить, только ничего у него не вышло. Мой отец даже не улыбнулся.

Я проскользнула мимо них и прошла по коридору в комнату, которая когда-то была общей спальней отца и мамы. Здесь до сих пор сохранился ее туалетный столик из красного дерева с большим зеркалом. Я приблизилась к нему и заглянула в зеркало.

Всю левую сторону лица сверху вниз, ото лба до самого подбородка пересекали четыре глубоких неровных шрама — следы волчьих когтей. Нижнее веко на моем левом глазу было оттянуто вниз, а левые уголки губ, напротив, вздернулись вверх.

Я уныло смотрела на свое отражение, то прикрывая ладонью левую сторону лица, то вновь открывая ее, чтобы сравнить с нетронутой, гладкой правой половиной.